

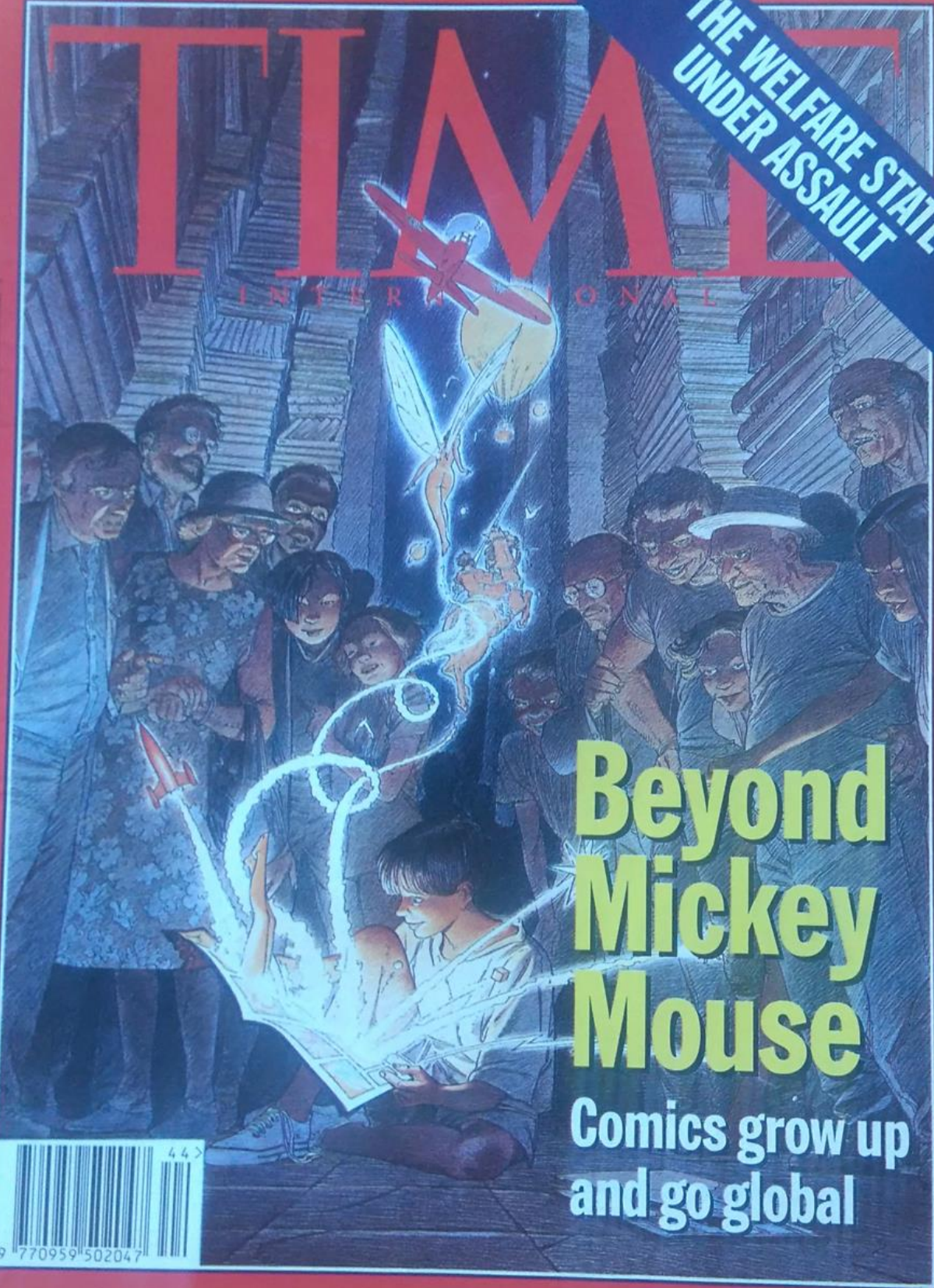
NOVEMBER 1, 1993 No. 44

TIME

INTERNATIONAL

THE WELFARE STATE
UNDER ASSAULT

ILLUSTRATION BY JIMMY KNEAS

Beyond Mickey Mouse

Comics grow up
and go global

44 >

■ OPERA

Siberian Express

The brilliant baritone Dmitri Hvorostovsky is on a well-deserved track to stardom

By MICHAEL WALSH

OPERA SINGERS OFTEN HAIL from unlikely places. Leontyne Price emerged from tiny Laurel, Mississippi; tenor Jon Vickers from Prince Albert on the plains of Saskatchewan. But it is hard to recall a leading man or lady from a place more remote and exotic than central Siberia. Yet the singer who seems destined to be the next big star of the lyric stage is the pride of Krasnoyarsk: a strapping, darkly handsome baritone named Dmitri Hvorostovsky.

The opera world has been buzzing about Hvorostovsky (give the *H* a slight rasp and add vor-stov-ski) ever since his triumph at the 1989 BBC Cardiff Singer of the World competition. The following year, a don't-miss-it debut recital in Alice Tully Hall in New York City confirmed the advance word: this was a galvanic new personality and a voice of uncommon refinement, flexibility and musical intelligence.

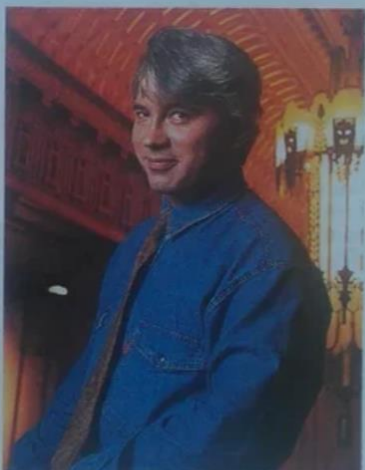
Now, having made his American opera debut as Germont in *La Traviata* with the Lyric Opera of Chicago, Hvorostovsky, 31, has proved he can put across a performance with interpretive sympathy and burnished vocal splendor. His baritone is lighter than most Slavic male voices, more Latin in color and inflection; if the top of his register needs to open a bit more, the rest of the voice is rich and resonant.

"I was nervous, yes," he admits of his Chicago outing. "You try to think of it as just another performance, but it was somehow special. Even so, that was not the most memorable performance I have ever given." Oh? "I was giving a recital in a bread factory, a great big place in Siberia. The piano was terrible. I had to get undressed behind the door. Then I went out and sang Tchaikovsky and Rachmaninoff songs. And you know what? When I looked up I could see that everybody was crying. Nothing could ever top that."

Except, perhaps, the career that lies ahead. Opera managers have already snapped up the brown-eyed idol for a string of major debuts: the dashing title role in Tchaikovsky's *Eugene Onegin* at

Covent Garden in London in October, Riccardo in Bellini's *I Puritani* at the Vienna State Opera next year, Prince Yeletsky in Tchaikovsky's *Pique Dame* at New York City's Metropolitan Opera in 1995. Last month Philips issued a new *Traviata* with Hvorostovsky as Germont.

Hvorostovsky is not only ready for stardom, he can scarcely remember a time when he wasn't preparing for it. His mother was a doctor, his father a chemical engineer and amateur singer and pianist who loved Bach, Chopin and Liszt. Young Dima's formal training began at age seven and concluded at the local conservatory, where he studied piano and conducting as well as voice. Music, however, had to compete for his affections with soccer, box-

FAR FROM THE BREAD FACTORY: A voice of uncommon refinement and intelligence

ing and, later, girls. He frankly admits that for much of his young life, thoughts of women and music have occupied most of his waking hours. Married in 1987, he lives today in Moscow with his ballerina wife Svetlana and her 11-year-old daughter by a previous marriage.

But it was one woman in particular who deeply influenced him: his teacher Ekaterina Yofel. She convinced him that he was a natural high baritone, not a tenor; she also taught him to free his imagination while he was singing, "to make the voice open up like a bouquet of flowers." Accordingly, he blossomed in his first contest. He went on to conquer the International Singing Competition of Toulouse in France in 1988 and capped it with his victory at Cardiff the next year. "I won every contest I entered," he says, without boasting. Soon, in Hvorostovsky's realm, there may be no contest at all. —With reporting by Daniel S. Levy/New York

ALICE TULLY HALL FOR THE

ПЕРЕВОД

1993 Ноябрь 1 Журнал TIME

Сибирский Экспресс

Майкл Уолш

Великолепный баритон Дмитрий Хворостовский на заслуженном пути к славе.

Оперные певцы часто родом из самых неожиданных мест. Леонтина Прайс появилась в крошечном городке Лорела штата Миссисипи, тенор Джон Викерс – из Принса-Альберта с равнин Саскачевана. Но трудно припомнить оперного солиста из места более отдалённого и экзотического, чем Центральная Сибирь. И всё же певец, которому, похоже, суждено стать следующей большой звездой лирической сцены – гордость Красноярска: высокий, темноволосый баритон по имени Дмитрий Хворостовский.

Оперный мир гудел о Хворостовском (начните с лёгкого «Х» и добавьте вор-стов-ски) с самого его триумфа на конкурсе Би-Би-Си «Лучший певец мира» в 1989 году в Кардиффе. В следующем году дебютный концерт «не пропустите это» в Alice Tully Hall в Нью-Йорке подтвердил это авансом сказанное слово: это была магнетическая новая личность и голос необычайной утончённости, гибкости и музыкального интеллекта.

Теперь, дебютировав в Американской опере в роли Жермона в «Травиате» в Лирической Опере Чикаго, 31-летний Хворостовский доказал, что может спеть спектакль с соперением и отполированным вокальным великолепием. Его баритон светлее большинства славянских мужских голосов, более европейский по цвету и интонации; если верхней части его регистра нужно немного приоткрыться, то остальная часть голоса богата и звучна.

«Да, я нервничал, - признаётся он о своём выступлении в Чикаго, - Стараешься думать об этом как об очередном спектакле, но он был каким-то особенным. Но это было не самое памятное выступление в моей жизни.» Да? – «Я давал концерт на хлебозаводе, очень большом предприятии в Сибири. Рояль был ужасный. Мне пришлось переодеваться за дверью. Я пел романсы Чайковского и Рахманинова. И знаете что? Когда я поднял глаза, то увидел, что все плачут. Ничто не может сравниться с этим.»

За исключением, пожалуй, карьеры, которая ждёт его впереди. Оперные менеджеры уже раскупили кареглазого кумира для ряда больших дебютов: заглавная роль в «Евгении Онегине» Чайковского в лондонском Ковент-Гардене в октябре, Риккардо в «Пуританах» Беллини в Венской государственной опере в следующем году, граф Елецкий в «Пиковой даме» Чайковского в нью-йоркской Метрополитен-опере в 1995 году. В прошлом месяце «Филипс» выпустил новую «Травиату» с Хворостовским в роли Жермона.

Хворостовский не только готов к славе, он едва ли помнит время, когда не готовился к ней. Его мать была врачом, отец – инженером-химиком, певцом-любителем и пианистом, любившим Баха, Шопена и Листа. Формальное обучение юного Димы началось в семь лет и закончилось в местной консерватории, где он изучал фортепиано и дирижирование, а также вокал. Музыка, однако, дополняла его увлечения футболом, боксом и, позже, девушками. Он честно признаётся, что большую часть его юной жизни занимали мысли о девушках и музыке. Женившись в 1987 году, сегодня он живёт в Москве со своей женой – балериной Светланой и её 11-летней дочерью от предыдущего брака.

Но одна женщина оказала на него глубокое влияние: его педагог Екатерина Иофель. Она убедила его, что он от природы высокий баритон, а не тенор; она научила его освобождать воображение во время пения, «чтобы голос раскрылся, как букет цветов». Таким образом, он раскрылся на своём первом конкурсе. В 1988 году он победил на международном певческом конкурсе в Тулузе во Франции, а следующий год увенчался его победой в Кардиффе. «Я выигрывал все конкурсы, в которых участвовал», - говорит он без хвастовства. Скоро на уровне Хворостовского может вообще не быть состязания.

Перевод с английского Н. Тимофеева